

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 811.581'37(043.3)+811.161.1'37(043.3)

РУДЕНКО
Наталья Ивановна

**ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ И ЭКСТЕНСИВНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

по специальности 10.02.19 – теория языка

Минск, 2016

Научная работа выполнена в Белорусском государственном университете

Научный руководитель **Гордей Александр Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, директор Республиканского института китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета

Официальные оппоненты **Курдюмов Владимир Анатольевич**, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой китайского языка ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Адамович Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Оппонирующая организация УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Защита состоится «11» октября 2016 г. в 16.00 часов на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.24 при Белорусском государственном университете по адресу: 220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62; e-mail: phyl@bsu.by. Телефон ученого секретаря 209-55-58.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан «11» июля 2016 г.

Ученый секретарь
по защите диссертаций

С.А. Важник

ВВЕДЕНИЕ

Количественность в языке и количественная семантика языковых знаков неизменно вызывают интерес лингвистов и не раз становились предметом исследований. Данная проблема изучалась в рамках отдельных языков, группы языков, применительно к различным частям речи, в контексте различных теоретических подходов: теории множеств, функционально-семантического поля понятийных категорий и др. В большинстве работ по общему и частному языкознанию содержится раздел, рассматривающий тот или иной аспект количественности. Ряд исследований специально посвящен отдельным вопросам, связанным с количественной семантикой языковых знаков: морфологической категории числа, собирательности, интенсивности, многократности, итеративности, длительности действий, глагольной и предикатной множественности и количественности, дублированию, счетным знакам и т.д.

Актуальность представленного исследования обусловлена тем, что изучение количественной семантики китайских и русских языковых знаков в работе осуществляется в рамках перспективного направления лингвистической науки, связанного с формализованным подходом к описанию естественных языков, формальными языками, интеллектуальными системами и теорией информации (например, труды И. Бар-Хиллела¹, В.В. Мартынова², Дж. Пустэевского³ и др.). Отметим, что несмотря на большое число работ, посвященных изучению количественности в языке, анализ количественной семантики языковых знаков в терминах интенсивности и экстенсивности ранее не предпринимался. Применение описанного в работе подхода позволяет более четко представить количественную семантику китайских и русских языковых знаков и объяснить обусловленную ею комбинаторику вариантов знаков в синтаксисе рассматриваемых языков.

Методологической базой исследования является комбинаторная семантика, которая разработана А.Н. Гордеем⁴ и восходит к исследованиям по

¹ Френкель, А.А., Бар-Хиллел, И. Основания теории множеств / А.А. Френкель, И. Бар-Хиллел. – М.: URSS: Либроком, 2010. – 554 с.; Bar-Hillel, Y. Language and information. Selected essays on their theory and application / Y. Bar-Hillel. – Jerusalem: Jerusalem Academic Press, 1964. – 388 p.

² Мартынов, В.В. Семиологические основы информатики / В.В. Мартынов. – Минск: Наука и техника. 1974. – 192 с.; Мартынов, В.В. Основы семантического кодирования: Опыт представления и преобразования знания / В.В. Мартынов. – Минск: ЕГУ, 2001. – 138 с.

³ Pustejovsky, J. The Generative Lexicon / J. Pustejovsky. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995. – 298 p.

⁴ Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск: Бел. гос. ун-т, 1998. – 156 с.

комбинаторной логике Х. Карри и Р. Фэйза ⁵, П.-Л. Курьена ⁶, В.Э. Вольфенгагена⁷ и др., а также к идеям В.В. Мартынова о семантическом кодировании. В отличие от комбинаторной семантики, пытающейся выявить значение лексем через их сочетаемость, комбинаторная семантика описывает значение языковых знаков посредством семантических формул. В рамках выбранного научного направления разрабатывается теория частей языка (тайгенов и ёгенов), выделяемых на основании единого семантического критерия: тайген обозначает индивида, ёген обозначает признак индивида; постоянный ёген обозначает свойство индивида, переменный ёген – процесс, в котором участвует индивид. В контексте данной теории части языка на основании семантической категории количества подразделяются на одноместные (обозначающие один индивид или один признак индивида) и многоместные (обозначающие множество индивидов или множество признаков индивидов). Многоместные части языка, в свою очередь, делятся на интенсивные (обозначающие многое как единое или и многое, и единичное) и экстенсивные (обозначающие многое как многое). Другими словами, в рамках данного направления количественная семантика языковых знаков описывается посредством семантических категорий одноместности / многоместности и интенсивности / экстенсивности

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами

Представленное диссертационное исследование выполнено в рамках 1) НИР «Отображение модели мира средствами восточных языков» (номер государственной регистрации 20090869 от 21.05.2009); 2) ГКПНИ «Белорусское востоковедение» (номер государственной регистрации 20110326 НИР № 538/95 на 2011-2015 гг.), которые разрабатываются кафедрой языкознания и страноведения Востока Белорусского государственного университета.

⁵ Curry, H.B., Feys, R. *Combinatory logic*. Vol.1 / H.B. Curry, R. Feys. – Amsterdam: North-Holland Publishing Co., 1958. – 534 p.

⁶ Curien, P.-L. *Categorical combinators, sequential algorithms, and functional programming* / P.-L. Curien. – London: Pitman; New York: Wiley, 1986. – 300 p.; Curien, P.-L. *Categorical combinatory logic* / P.-L. Curien. – LNCS, 194, 1985. – P.139-151.

⁷ Вольфенгаген, В.Э. *Комбинаторная логика в программировании. Вычисления с объектами в примерах и задачах.* – 2-е изд. – М.: АО Центр ЮрИнфоР, 2003. – 204 с.

Цель данной работы – уточнение количественной семантики китайских и русских языковых знаков в терминах интенсивности и экстенсивности.

Для достижения заявленной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) разработать алгоритм определения категории языкового знака по его количественной семантике в терминах интенсивности и экстенсивности;

2) охарактеризовать роль специализированных и неспециализированных счетных знаков и описать правила их употребления в современном китайском языке;

3) описать процедуру экстенсификации семантики китайских языковых знаков различными средствами на различных уровнях синтаксиса и снять тем самым противоречия в трактовке значений дублированных знаков в китайском языке;

4) установить взаимосвязь метасемантических процедур инклюзии и экстенсификации;

5) разграничить экстенсификацию номинативных и предикативных единиц и описать особенности комбинаторики экстенсивных знаков.

Объект исследования – количественная семантика китайских и русских языковых знаков.

Предмет исследования – распределение китайских и русских языковых знаков по категориям в зависимости их количественной семантики и обусловленная данным распределением комбинаторика их вариантов.

Материал исследования извлечен из следующих словарей: Большой китайско-русский словарь (в 4 т., М., 1983-1984), Большой русско-китайский словарь (Пекин, 1995), Китайско-русский словарь (М., 1988), Китайско-русский словарь (Пекин, 1990), Словарь русского языка (в 4 т., М., 1999), Словарь иностранных слов в русском языке (М., 1996), Этимологический словарь (в 4 т. / М. Фасмер, М., 2004), 现代汉语词典 (Словарь современного китайского языка. Пекин, 1993), 现代汉语八百词 (Словарь современного китайского языка «Ба бай цы». Пекин, 1981), 汉语大字典 (Большой китайский иероглифический словарь: в 8 т., Ухань, Сычуань, 1986); а также из национального корпуса русского языка и корпуса китайского языка Пекинского университета.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые разработан алгоритм определения категориальной принадлежности языкового знака по

его количественной семантике; установлена взаимосвязь металингвистических процедур инклюзии и экстенсификации; разграничена экстенсификация номинативных и предикативных единиц; дано описание и объяснение особенностей комбинаторики экстенсивных знаков; определена роль специализированных и неспециализированных счетных знаков и правила их употребления в современном китайском языке; описана процедура экстенсификации семантики китайских знаков различными средствами на различных уровнях синтаксиса; сняты противоречия в трактовке значений дублированных знаков в китайском языке.

Положения, выносимые на защиту:

1. Количественная семантика языкового знака поддается алгоритмическому описанию через введение процедур минимизации в определение экстенсивности и интенсивности. На первом шаге алгоритма (реализация алгоритма продемонстрирована на примере знаков *дерево* (как растение, а не материал), *деревья*, *лес*, *брюки*) применяется процедура «часть/целое»: отрицательный результат – знак одноместный (*дерево*: несколько частей дерева \neq дерево), положительный результат – знак многоместный (*деревья*, *лес*, *брюки*: несколько деревьев = деревья, несколько участков леса = лес, несколько пар брюк = брюки), продолжение алгоритма; на втором шаге алгоритма вводится процедура минимизации в определение экстенсивности: отрицательный результат – знак многоместный интенсивный с недискретной семантикой (*лес*: невозможно выделить отдельных индивидов во множестве «лес»), положительный результат (*деревья*, *брюки*: два дерева = деревья, две пары брюк = брюки) – продолжение алгоритма; на третьем шаге алгоритма вводится процедура минимизации в определение интенсивности: отрицательный результат (*деревья*: одно дерево \neq деревья) – знак многоместный экстенсивный, положительный результат (*брюки*: одна пара брюк = брюки) – знак многоместный интенсивный с дискретной семантикой.
2. Специализированные счетные знаки в комбинаторике с интенсивными знаками с дискретной семантикой разграничивают индивид во множестве и само множество (*две пары брюк*, *семь голов скота*, *пять мест багажа*; 一本书 [yī běn shū] ‘одна книга’, букв. ‘один корешок книг’, 三张桌子 [sān zhāng zhuōzi] ‘три стола’, букв. ‘три листа столов’), а неспециализированные счетные знаки – выделяют и называют подмножество индивидов во множестве, обозначаемом интенсивными знаками с недискретной и дискретной семантикой (*две стопки бумаги*, *три бутылки воды*, *два чемодана брюк*; 三匙糖 [sān chí tang] ‘три ложки

сахара’, 两箱苹果 [liǎng xiāng píngguǒ] ‘два ящика яблок’); специализированные счетные знаки в комбинаторике с ёгенами обозначают кратность процесса (*говорить много раз*; 重复四遍 [chóngfù sì biàn] ‘повторить четыре раза’) или свойства (*дороже в несколько раз*; 大几倍 [dà jǐ bèi] ‘больше в несколько раз’), неспециализированные – длительность процесса (*плавал несколько минут*; 躺了几个小时 [tǎngle jǐge xiǎoshí] ‘лежал несколько часов’) и степень выраженности свойства (*в некоторой степени интересно*; 有一点奇怪 [yǒu yī diǎn qíguài] ‘несколько странно’, букв. ‘одну капельку странно’).

3. Дублирование есть процедура экстенсификации семантики языкового знака, т.е. такого изменения аспекта выражения знака, которое ведет к изменению в аспекте содержания его количественной семантики, и знак начинает обозначать многое как многое, переходя из одной категории (одноместности или множественности интенсивности) в другую категорию (множественности экстенсивности). Приписывание противоположных значений дублированным знакам, например, в китайском языке связано для тайгенов – со смешением синхронии и диахронии (то, что ряд дублированных знаков на данном этапе развития китайского языка не являются экстенсивными (например, термины родства 姐姐 [jiějie] ‘старшая сестра’ и др.), не исключает, что изначально дублирование не было средством экстенсификации их семантики), для постоянных ёгенов – со смешением категорий языка и модели мира (при дублировании 小小的 [xiǎoxiǎode] ‘маленький-маленький’ не наблюдается «уменьшительности», а наращивается свойство «маленький» точно так же, как при дублировании 大大的 [dàdàde] ‘большой-большой’ наращивается свойство «большой», просто свойства «маленький» и «большой» по-разному воспринимаются в модели мира, что не отображается в количественной семантике соответствующих языковых знаков), для переменных ёгенов – с частичным слиянием звуковой и графической формы двух различных конструкторов: экстенсивного дублированного знака и одноместного с переменным ёгеном в роли счетного знака (看看 [kànkàn] ‘посматривать/почитывать’) и 看一看 [kàn yī kàn] ‘посмотреть / почитать один раз’).
4. Металингвистические процедуры инклюзии и экстенсификации частично перекрывают друг друга. В пользу этого свидетельствует ряд фактов: 1) в русском языке инклюзатор *все* может играть роль экстенсификатора (*весь стол, все столы, всё пальто* – инклюзия; *все пальто, все резюме* – экстенсификация и инклюзия), что говорит о

развитии соответствующей метасемантики по периферии⁸ его значения; 2) в китайском языке метасемантическая периферия экстенсификатора подуровня синтаксиса предикативного сочетания знаков 都 [dōu] ‘все’ представлена, в том числе, инклюзией (人都来了 ‘Люди (все) пришли’, букв. ‘Человек / люди все пришли’ – 都 [dōu] экстенсификатор; 人们都来了 ‘Люди все пришли’ – 都 [dōu] инклюзатор); 3) экстенсификация и инклюзия часто происходят одновременно: в русском и китайском языках при сочетании с инклюзаторами-экстенсификаторами все, 全(部) [quán(bù)] ‘целиком, в полном составе, все’, 一切 [yīqiè] ‘все’: все пальто, 全部人 [quánbù rén] ‘все люди’, 一切东西 [yīqiè dōngxi] ‘все вещи’; а также в китайском языке при сочетании интенсивных тайгенов с ёгенами, требующими комбинации с экстенсивными тайгенами: конструкты со знаком алфавита синтаксиса 所 [suǒ] (所有的人 [suǒ yǒu de rén] ‘все [имеющиеся] люди’), и переменные ёгены с результативным формантом 齐 [qí] ‘полностью, в полном составе’ (人到齐了 [Rén dàoqíle] ‘Люди пришли все’).

5. Знаки и сочетания знаков, обозначающие кратность процесса (*два раза, неоднократно*) и длительность процесса (*два часа, долго*), экстенсифицируют семантику ёгенов, играющих в предложении роль сказуемого, а знаки и сочетания знаков, обозначающие кратность времени (*каждый день, часто, всякий раз*) и длительность времени (*целый день, весь вечер* и др.), экстенсифицируют семантику всего предложения, что проявляется в соответствующей комбинаторике знаков, т.е. в возможности их одновременного употребления в предложении: 他每天给母亲打两次电话。 ‘Он **каждый день два раза** звонит матери’, что было бы недопустимо, если бы в обоих случаях имела место экстенсификация семантики языкового знака 打(电话) ‘звонить (по телефону)’.

Личный вклад соискателя

Диссертационное исследование представляет собой самостоятельное исследование и является итогом научных изысканий, проводившихся в течение семи лет. В рамках данной работы к изучению, описанию и объяснению фактов русского, китайского и ряда других языков применялись

⁸ Семантика языкового знака рассматривается как динамическое единство ядра и периферии. Такое представление восходит к идее К. Пайка о ядерном и периферийном значении (central and marginal meaning) (Pike, K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior / K. Pike. – The Mouton, 1967. – 1762 p.) и концепции неопределеннозначности, впервые высказанной В.В. Мартыновым и свое продолжение получившей в работах А.Н. Гордея.

не только готовые методологические основания, но и собственные теоретические разработки. В частности, нами была предложена категория дискретности семантики интенсивных знаков, введение которой позволило более точно и детально описать количественный аспект значения языковых знаков в терминах комбинаторной семантики. Сформулированные процедуры определения множественности и одностности, интенсивности и экстенсивности были сведены в единый алгоритм определения категориальной принадлежности языкового знака по его количественной семантике.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ, а также на научных семинарах Республиканского института китаеведения им. Конфуция БГУ. Основные положения и выводы диссертации были изложены в форме докладов на международных и республиканских научных, научно-практических конференциях и научно-практических семинарах: II Республиканская научная конференция «Беларусь в современном мире» (БГУ, г. Минск, 17-18 декабря 2003 г.); III Республиканская научная конференция «Беларусь в современном мире» (БГУ, г. Минск, 28-29 октября 2004 г.); IV Республиканская научная конференция «Беларусь в современном мире» (БГУ, г. Минск, 28 сентября 2005 г.); I Международная научная конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур» (БГУ, г. Минск, 15-17 декабря 2005 г.); Международная научная конференция «Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации» (ГрГУ, г. Гродно, 22-23 ноября 2007 г.); II Международная научная конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур» (ГрГУ, г. Гродно, 28-30 октября 2008 г.); Международный научно-практический семинар «Китаеведение в белорусском образовательном пространстве» (ГрГУ, г. Гродно, 29 января 2008 г.); II Международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания» (МГИМО (У) МИД России, г. Москва, 24-25 апреля 2015 г.).

Опубликование результатов диссертации

Основные результаты исследования изложены в 12 публикациях автора: в монографии (9,9 авторских листа), трех статьях в рецензируемых научных журналах (1,6 авторских листа), двух статьях в сборниках научных трудов (1,6 авторских листа), четырех публикациях в сборниках материалов конференций (1 авторский лист), двух публикациях в сборниках тезисов докладов (0,3

авторских листа). Общий объем публикаций – 14,4 авторских листа. Все опубликованные работы выполнены без соавторства.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, двух глав, заключения, списка литературы и приложения. Список литературы включает список использованных источников в количестве 267 наименований и список публикаций соискателя в количестве 12 наименований. Основной текст изложен на 147 страницах, список литературы – на 21 странице. Непосредственно в диссертации представлено 12 рисунков (5 страниц). Общий объем диссертации – 171 страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Языковые категории интенсивности и экстенсивности в процедуральном представлении» носит теоретический характер. Русский язык выступает в качестве языка описания.

В параграфе 1.1 освещается история проблемы, объясняется выбор методов исследования.

Многие ученые в своих работах обращались к тому или иному аспекту количественности (И.А. Бодуэн де Куртенэ, О. Есперсен, Э. Сепир, Л. Теньер, И.И. Мещанинов, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.В. Мартынов, П.А. Соболева). Ряд исследований специально посвящен отдельным вопросам, связанным с количественной семантикой языковых знаков: морфологической категории числа (А.А. Потебня, А.А. Реформатский, В.И. Дегтярев, А.П. Рифтин, И.М. Тронский), дублированию (О.Ю. Крючкова, А.Н. Барина, Л.Н. Демидюк) и др. Однако морфологический подход к изучению семантики количества через категорию числа приводил к «парадоксам» и «аномалиям» (А.А. Реформатский). Не был выработан единый категориальный аппарат для описания количественной семантики языковых знаков. В некоторых исследованиях наблюдается смешение категорий языка и метаязыка, что представляет серьезную проблему лингвистического анализа, поскольку язык для языкознания – и объект, и инструмент исследования (по этому поводу см. работы Л. Ельмслева, В.В. Мартынова, А.Н. Гордея).

В представленной работе анализ количественности осуществляется в рамках дедуктивного подхода (о преимуществе дедукции перед индукцией см., например, работу Х. Ульдалля), с опорой на семантику языковых знаков. Исследование проводится в контексте теории частей языка (тайгенов и ёгенов),

выделяемых на основании единого семантического критерия. Данная теория восходит к китайско-японской лингвистической традиции (Цзинь Чжаоцзы, М. Киэда), и свое продолжение получила в работах В.В. Мартынова и А.Н. Гордея. Отметим, что частеречный подход неоднократно критиковался лингвистами (Ф. де Соссюр, О. Еспрессен, Л. Теньер, Ф.Ф. Фортунатов, А.С. Чикобава, Ю.С. Степанов).

Для получения достоверных результатов при анализе количественной семантики языковых знаков мы, вслед за Ф. де Соссюром, различаем язык и речь (язык в терминах комбинаторной семантики понимается как система, а речь – как реализация системы в материальном носителе, что означает гибкость реализаций в пределах системного допуска), синхронию и диахронию. Мы также разграничиваем сам языковой знак и процесс его порождения. В данном вопросе мы придерживаемся теории бинарного порождения языкового знака, впервые сформулированной Я. Розвадовским и получившей развитие в трудах В.В. Мартынова и А.Н. Гордея. В сложных случаях категориальная принадлежность лексемы в синхронии определяется с опорой на теорию К. Пайка о ядре и периферии значения языкового знака: (мета)семантическое ядро знака отражает его синхронический статус, а (мета)семантическая периферия содержит информацию об изменениях семантики знака в диахронии.

В параграфе 1.2 определяются языковые категории одноместности и многоместности, интенсивности и экстенсивности, в терминах которых описывается количественная семантика языковых знаков.

Категория количества неизменный атрибут модели мира, следовательно, неизбежно отображается в языке. Анализ количественного аспекта модели мира сопряжен с рядом трудностей, в силу присущей ей изменчивости и относительности, анализ же языка с точки зрения количественности вполне осуществим, так как его категории, в отличие от категорий модели мира, в синхроническом плане в известном смысле можно считать статическими и абсолютными.

Семантическая категория количества не имеет своим прямым коррелятом морфологическую категорию числа, поскольку:

1) не все знаки имеют числовую парадигму (*пальто, пять, быстро*), но все знаки обладают той или иной количественной семантикой;

2) категория числа некоторых знаков не связана с их семантикой и служит лишь целям согласования (*черная лошадь → черные лошади*: количественная семантика знаков *лошадь / лошади* – разная (один индивид и множество индивидов), количественная семантика знаков *черная / черные* идентична (одно свойство индивидов));

3) категория числа не всегда верно отражает количественный аспект явления, обозначенного той или иной лексемой (*листва, вода, роща* – множество индивидов, но единственное число; *Афины, Фивы* – один индивид, но множественное число; *говаривал* – множество процессов, но единственное число; *стукнули* – один процесс, но множественное число, поскольку один и тот же процесс совершает множество индивидов; *пестрый* – множество свойств, но единственное число; *деревянные* – одно свойство, но множественное число, поскольку одно и то же свойство принадлежит множеству индивидов);

4) категория количества, в отличие от морфологической категории числа, применима в анализе всех языков (для китайского языка морфологическая категория числа нерелевантна, нельзя сказать, что знак 人 [rén] имеет форму единственного числа, поскольку он может обозначать как одного, так и множество индивидов: 人 [rén] – это и ‘человек’, и ‘люди’).

На основании семантической категории количества части языка подразделяются на одноместные и многоместные, последние, в свою очередь, делятся на интенсивные и экстенсивные⁹.

Декларативные определения:

одноместные части языка обозначают один индивид (*стол*) или один признак индивида (*красный, мигнуть*);

многоместные части языка обозначают множество индивидов или множество признаков индивидов (*столы, песок, смешанный, премилый, бегать, хаживать*);

интенсивные части языка обозначают многое как единое (*песок, смешанный, бежать*) или и многое, и единичное (*пальто, ножницы, дорожке, бегать*);

экстенсивные части языка обозначают многое как многое (*столы, пески, премилый, высочайший, хаживать, думать-думать*).

В параграфе 1.3 перечисляются процедуры разграничения частей языка в рамках заданной научной парадигмы, формулируется алгоритм определения категориальной принадлежности языкового знака в зависимости от его количественной семантики.

Процедуральные определения:

одноместные – части языка, обозначающие целое множество;

многоместные – части языка, обозначающие целое множество и его некоторую часть;

⁹ Декларативные и процедуральные определения данных категорий сформулированы А.Н. Гордеем в его работах по комбинаторной семантике.

интенсивные части языка обозначают целое множество и его некоторую часть, представленную его подмножеством с числом индивидов больше либо равно одному;

экстенсивные части языка обозначают целое множество и его некоторую часть, представленную группой подмножеств с числом индивидов больше либо равно одному.

Нами было установлено, что интенсивные знаки могут обладать дискретной либо недискретной семантикой: для знаков с дискретной семантикой можно выделить и назвать отдельного индивида во множестве, ими обозначаемом, для знаков с недискретной семантикой это невозможно. Диагностирующая процедура: введение минимизации в определение интенсивности. Семантика экстенсивных знаков по определению дискретна, семантика одноместных – по определению недискретна.

На основе представленных выше процедур нами был разработан **алгоритм** определения количественной семантики языкового знака (на примере знаков *дерево* (как растение, а не материал), *деревья*, *лес*, *брюки*):

- 1) применение процедуры «часть/целое»: отрицательный результат – знак одноместный (*дерево*: несколько частей $\text{дерево} \neq \text{дерево}$), положительный результат – знак многоместный (*деревья*, *лес*, *брюки*: несколько деревьев = *деревья*, несколько участков леса = *лес*, несколько пар брюк = *брюки*) – переход на второй уровень алгоритма →
- 2) введение процедуры минимизации в определение экстенсивности: отрицательный результат – знак многоместный интенсивный с недискретной семантикой (*лес*: невозможно выделить отдельных индивидов во множестве «лес»), положительный результат (*деревья*, *брюки*: два дерева = *деревья*, две пары брюк = *брюки*) – переход на третий уровень алгоритма →
- 3) введение процедуры минимизации в определение интенсивности: отрицательный результат (*деревья*: одно дерево $\neq \text{деревья}$) – знак многоместный экстенсивный, положительный результат (*брюки*: одна пара брюк = *брюки*) – знак многоместный интенсивный с дискретной семантикой.

Параграф 1.4 посвящен диахроническому анализу количественной семантики языковых знаков, в том числе китайских, описывается процесс появления и становления счетных знаков.

С точки зрения количественной семантики первые знаки языка были многоместными интенсивными, причем, вероятнее всего, с недискретной семантикой, что соответствовало состоянию языковой картины мира на этапе ее формирования. Те интенсивные знаки, семантика которых позволяла

дискретизацию, со временем перешли в разряд интенсивных с дискретной семантикой, знаки, для которых это оказалось невозможным, сохранили недискретную семантику. Использование интенсивных знаков с дискретной семантикой в языке сопряжено со значительными сложностями, поскольку необходимы дополнительные средства снятия омонимии обозначения одного индивида или признака индивидов и множества индивидов или признаков индивидов (人 [rén] – ‘один человек’ или ‘несколько человек’; 说 [shuō] – ‘сказать один раз’ или ‘говорить много раз’). Для указания на однозначно множественный характер называемых явлений стала использоваться процедура дублирования – древнейший способ экстенсификации семантики знака (人人 [rénrén] ‘люди’, 说说 [shuōshuō] ‘говаривать’). Однако сохранилась проблема названия определенного дискретного количества индивидов из множества, обозначаемого интенсивным знаком с дискретной семантикой, поскольку при присоединении к подобному знаку числового знака не понятно, идет ли речь о количестве индивидов во множестве или о количестве самих множеств.

Во второй главе «Количественная семантика на примере китайских и русских знаков» теоретические положения, изложенные в первой главе, применяются к анализу количественной семантики знаков китайского и русского языков, в ряде случаев в сопоставлении с другими языками.

В параграфе 2.1 рассматривается мощность семантики языковых знаков и обусловленные ей особенности комбинаторики.

Проблема интенсивных знаков с дискретной семантикой (совпадение названия множества и индивида во множестве) в китайском языке была решена с помощью специальных счетных знаков, призванных обозначить индивид во множестве, называемом интенсивным знаком с дискретной семантикой (六个人 [liùge rén] ‘шесть **штук** людей’, 说几次 [shuō jǐ cì] ‘говорить несколько **раз**’). Изначально в этой роли употреблялся тот же знак, что обозначал множество индивидов (人十人 [rén shí rén] ‘десять людей’, 羊百羊 [yáng bǎi yáng] ‘сто баранов’, 羌五羌 [qiāng wǔ qiāng] ‘пять цянгов’), в современном китайском языке подобное явление можно наблюдать на множестве унарных процессуальных знаков в комбинации с числовым знаком 一 [yī] ‘один’, где второй знак с процессуальной семантикой играет роль счетного: 说一说 [shuō yī shuō] / 说一下 [shuō yī xià] ‘поговорить (разок)’

Употребление счетного знака в сочетаниях числового знака и интенсивного знака обусловлено необходимостью разграничить индивид во множестве и само множество (для интенсивных знаков с дискретной семантикой) либо выделить и назвать некоторое подмножество индивидов во

множестве (для интенсивных знаков с недискретной и с дискретной семантикой). В первом случае мы имеем дело со специализированными счетными знаками, во втором – с неспециализированными. В китайском и русском языках специализированные счетные знаки обозначают отдельных индивидов во множестве (几本书 [jǐ běn shū] ‘несколько корешков книг’, 几张桌子 [jǐ zhāng zhuōzi] ‘несколько листов столов’), для признаков – это кратность процесса (看几次 [kàn jǐ cì] ‘смотреть / читать несколько раз’) или свойства (贵几倍 [guì jǐ bèi] ‘дороже в несколько раз’). Роль неспециализированных счетных знаков могут играть различные индивидные знаки (тайгены) со значением меры (一滴水 [yī dī shuǐ] ‘одна капля воды’, 一杯水 [yī bēi shuǐ] ‘один стакан воды’, 一瓶水 [yī píng shuǐ] ‘одна бутылка воды’, 两群牛 [liǎng qún niú] ‘два стада коров’), для процессуальных знаков (переменных ёгенов) мера исчисляется продолжительностью обозначаемого процесса (躺一会儿 [tǎng yīhuìr] ‘лежать некоторое время’, 看一会儿 [kàn yīhuìr] ‘смотреть / читать некоторое время’), для атрибутивных знаков (постоянных ёгенов) – степенью выраженности обозначаемого свойства (几分惊奇 [jǐ fēn jīngqí] ‘несколько удивленный’, 有一点冷 [yǒu yīdiǎn lěng] ‘несколько холодно’).

Счетные знаки употребляются факультативно после числовых знаков неопределенного неограниченного количества¹⁰ (多少(本)书 [duōshǎo (běn) shū] ‘сколько (корешков) книг’, 一些(个)学生 [yīxiē (ge) xuéshēng] ‘некоторое количество (штук) студентов’). Случаи пропуска счетного знака после числовых знаков определенного количества (五 [wǔ] ‘пять’) или неопределенного ограниченного количества (几 [jǐ] ‘несколько (10±2)’) могут быть разделены на речевые и системные. В сфере речи пропуск счетного знака в подобных сочетаниях встречается в разговорно-бытовом стиле (пропуск возможен только после числового знака 一 [yī] ‘один’: 这件衣服我已经穿了一夏了。 ‘Эту вещь я носила уже целое лето’ (=这件衣服)) и в текстах научного и официально-делового стиля (пропуск счетного знака возможен после любых числовых знаков: 来自首都各报刊的杂文和评论编辑及北京杂文学会负责同志 近三十人出席了会议。 ‘Около **тридцати человек** – публицисты, редакторы-рецензенты различных печатных изданий столицы, а также ответственные лица Пекинского общества публицистики – присутствовали на совещании’),

¹⁰ Подробнее о парадигме числовых знаков см. Гордей, А.Н. Обучение китайскому языку в новой научной парадигме (на примере числовых знаков / А.Н. Гордей // «Модернизация и традиции»: материалы XXVI Международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, Санкт-Петербург, 20-22 апреля 2011 г. / С.-Петербург. гос. ун-т; редкол.: Н.Н. Дьяков (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 2011. – С.351-354.

что обусловлено влиянием древнекитайского языка гувэня и его литературной нормы – вэньяня, где счетные знаки изначально отсутствовали. Случаи пропуска счетного знака, когда знак перед тайгеном (числовые знаки высокого порядка: 一百(个)人 [yībǎi(ge) rén] ‘(одна) сотня (штук) человек’) или сам тайген (название валют и т.п.: 五(个)美元 [wǔ (ge) měiyuán] ‘пять (штук) долларов’) способен играть роль счетного, могут характеризоваться одновременно и как речевые, и как системные, отражая тем самым тенденции изменений в системе языка. К системным случаям следует отнести элиминацию счетного знака для беспрефиксального перевода числового тайгена в числовой ёген (四个年级 [sìge niánjí] ‘четыре курса’ ~ 四年级 [sì niánjí] (第四个年级 [dì sìge niánjí]) ‘четвертый курс’). При одноместных знаках счетные знаки не требуются (两年 [liǎng nián] ‘два года’).

Параграф 2.2 посвящен экстенсификации на уровне синтаксиса знака.

Экстенсификация – это такое изменение аспекта выражения знака, которое ведет к изменению в аспекте содержания его количественной семантики, и знак начинает обозначать многое как многое, т.е. переходит из одной категории (одноместности или множественности интенсивности) в другую категорию (множественности экстенсивности).

В китайском языке экстенсификация на уровне синтаксиса знака осуществляется:

1) дублированием знака (тайгена или ёгена): 天天 [tiāntiān] ‘дни, каждый день’, 家家 [jiājiā] ‘семьи, каждая семья’, 白白 [báibái] ‘белый-белый’, 罗罗嗦嗦 [luōluōsuosuo] ‘нудный-нудный’, 想想 [xiǎngxiǎng] ‘подумать-подумать’, 商量商量 [shāngliang shāngliang] ‘посоветоваться-посоветоваться’;

2) навешиванием на тайген суффикса 们 [men]: 我们 [women] ‘мы’, 学生们 [xuéshēngmen] ‘студенты’.

Экстенсификация посредством суффикса 们 [men] является на множестве китайских тайгенов частичной, так как применима лишь для тайгенов, обозначающих живых индивидов в прямой или метафорической номинации. Дублирование более широко представлено на множестве ёгенов, нежели тайгенов. Приписывание противоположных значений дублированным знакам в китайском языке связано

– для тайгенов – со смешением синхронии и диахронии (например, известный китайский лингвист Ван Ляои указывал, что дублированные термины родства в китайском языке употреблялись для выражения почтительности, т.е. обладали определенной эмоциональной и экспрессивной окрашенностью (что характерно для экстенсификации) и первоначально дублировались знаки со значением «старшая сестра» 姐姐 [jiějie], а знаки со

значением «младшая сестра» 妹妹 [mèimei] начали дублироваться позднее по аналогии);

– для постоянных ёгенов – со смешением категорий языка и модели мира (при дублировании 小小的 [xiǎoxiǎode] ‘маленький-маленький’ не наблюдается «уменьшительности», а наращивается свойство «маленький» точно так же, как при дублировании 大大的 [dàdàde] ‘большой-большой’ наращивается свойство «большой»; то, что свойства «маленький» и «большой» по-разному воспринимаются в модели мира, не отображается в количественной семантике соответствующих языковых знаков);

– для переменных ёгенов – с частичным слиянием звуковой и графической формы двух различных конструкторов: экстенсивного (дублированного знака: 看看 [kànkàn] ‘посматривать/ почитывать’) и одноместного (с переменным ёгеном в роли счетного знака: 看一看 [kàn yī kàn] ‘посмотреть / почитать один раз’).

Наблюдаются определенные параллели с русским языком. Во-первых, в обоих языках, процедура дублирования в большей степени распространена на множестве ёгенов, нежели тайгенов, что характерно и для других языков и обусловлено спецификой количественной семантики различных знаков языка. Во-вторых, в русском языке также представлена экстенсификация тайгенов на уровне синтаксиса знака иным, нежели дублированием, способом: изменение у тайгена морфологической формы единственного числа на множественное: *книга / книги, песок / пески*. Отметим, что сходство, указанное в данном случае, – семантическое, поскольку 们 [men] в китайском языке – это суффикс, а формант множественного числа в русском языке – флексия. Были выявлены также и определенные различия. Так, в русском языке экстенсификация на уровне синтаксиса знака возможна и для ёгенов. Для переменных ёгенов – посредством соответствующих суффиксов: *хаживал, видывал, говаривал*; для постоянных ёгенов – посредством соответствующих префиксов или префиксоидов / усеченных корней и суффиксов: *премилый, архиважный, ультраправый, суперсложный, милейший, важнейший, сладчайший, нижайший*.

В параграфе 2.3 рассматривается экстенсификация на уровне синтаксиса сочетания знаков.

Экстенсификация на уровне синтаксиса сочетания знаков происходит на подуровне синтаксиса номинативного сочетания знаков и подуровне синтаксиса предикативного сочетания знаков.

На подуровне синтаксиса номинативного сочетания знаков в китайском и русском языках экстенсификация осуществляется:

1) посредством числовых тайгенов (几天 [jǐ tiān] ‘несколько дней’, 几块面包 [jǐ kuài miànbāo] ‘несколько кусков хлеба’, 几个人 [jǐ ge rén] ‘несколько человек’, 等几分钟 [děng jǐ fēnzhōng] ‘ждать несколько минут’, 喝几次 [hē jǐ cì] ‘пить несколько раз’, 贵几倍 [guì jǐ bèi] ‘дороже в несколько раз’), в том числе с метасемантикой инклюзии (凡事 [fán shì] ‘все дела’, 诸位同志 [zhū wèi tóngzhì] ‘(все) товарищи’, 诸人 [zhū rén], 众人 [zhòng rén], 全部人 [quánbù rén] ‘все люди’);

2) посредством числовых ёгенов (每张桌子 [měi zhāng zhuōzi] ‘каждый стол, все столы’, 各位先生 [gè wèi xiānsheng] ‘[все] господа’);

3) посредством сочетания оценочных ёгенов с ёгеном третьей степени (最漂亮 [zuì piàoliang] ‘самый красивый’, 挺好 [tǐng hǎo] ‘весьма хороший’, 很快 [hěn kuài] ‘очень быстро’);

4) посредством номинативного сочетания тайгенов и переменных ёгенов с количественными оценочными ёгенами (很多椅子 [hěnduō yǐzi] ‘много стульев’, 很少人 [hěnshǎo rén] ‘мало людей’ (но понятно, что больше одного), 想了很多 [xiǎngle hěnduō] ‘много думал’);

5) посредством номинативного сочетания неэкстенсифицированного тайгена с ёгеном, требующим комбинации с экстенсивными тайгенами (конструкты со знаком алфавита синтаксиса¹¹ 所 [suǒ]: 所有的人 [suǒ yǒu de rén] ‘все [имеющиеся] люди’); аналогично в русском языке: *проданные пальто, съеденные канале, горные плато, интересные резюме*, где формант множественного числа (средство микроуровня) ёгена служит не целям согласования, а используется для экстенсификации на макроуровне, т.е. в сочетаниях знаков, однако в отличие от китайского языка в данном случае наблюдается только экстенсификация без инклюзии.

На подуровне синтаксиса предикативного сочетания знаков экстенсификация для ёгенов не представлена, для тайгенов осуществляется посредством:

1) знака 都 [dōu] ‘все’: 书都是我的。 [Shū dōu shì wǒde] ‘Книги (все) – мои’;

2) предикативного сочетания неэкстенсифицированного тайгена с количественным оценочным ёгеном: 人很多。 [Rén hěn duō] ‘Людей – много’;

3) предикативного сочетания неэкстенсифицированного тайгена с ёгеном, требующим комбинации с экстенсивными тайгенами (переменные ёгены с

¹¹ Знаки алфавита синтаксиса – вспомогательные средства синтаксиса (предлоги, послелого, союзы, частицы и проч.), служащие для соединения составных частей языковых структур (Гордей, А.Н. Метасемантика языковых категорий / А.Н.Гордей // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В.А.Карпова (Минск, БГУ, 28 марта 2008г.): сб. материалов. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – С.19-24.).

результативным формантом 齐 [qí] ‘полностью’): 人到齐了。 [Rén dàoqíle] ‘Люди пришли все’.

В русском языке экстенсификация на подуровне синтаксиса предикативного сочетания знаков практически не представлена. Аналогов знаку алфавита синтаксиса 都 [dōu] в русском языке нет, соответствующая экстенсификация для тайгенов в русском языке происходит на подуровне синтаксиса номинативного сочетания знаков посредством комбинации со знаком *все*. Что касается второго и третьего способа экстенсификации тайгенов на подуровне синтаксиса предикативного сочетания знаков, то в данном случае, как и на подуровне синтаксиса номинативного сочетания знаков, речь идет об интенсивных тайгенах (*Канане – много*) и об их комбинации с ёгенами во множественном числе: *Пальто продано – Пальто проданы, Резюме прочитано – Резюме прочитаны*.

Результаты исследования показали, что металингвистические процедуры инклюзии и экстенсификации частично перекрывают друг друга. В пользу этого свидетельствует ряд фактов:

1) экстенсификация частотно осуществляется посредством числовых знаков с метасемантикой инклюзии (凡事 [fán shì] ‘все дела’, 诸位同志 [zhū wèi tóngzhì] ‘(все) товарищи’, 全部人 [quánbù rén] ‘все люди’);

2) в ряде случаев инклюдаторы (全(部) [quán(bù)] ‘целиком, в полном составе, все’, 一切 [yīqiè] ‘все’) играют роль экстенсификаторов, что говорит о развитии соответствующей метасемантики по периферии их значения;

3) метасемантическая периферия экстенсификатора 都 [dōu] ‘все’ представлена, в том числе, инклюдацией;

4) при сочетании интенсивных тайгенов с ёгенами, требующими комбинации с экстенсивными тайгенами (конструкты со знаком алфавита синтаксиса 所 [suǒ] и переменные ёгены с результативным формантом 齐 [qí] ‘полностью, в полном составе’), одновременно происходит экстенсификация и инклюдация указанных тайгенов.

Нами было также установлено, что знаки и сочетания знаков, обозначающие кратность (几次 [jǐ cì] ‘несколько раз’ и др.) и длительность (几小时 [jǐ xiǎoshí] ‘несколько часов’, 一会儿 [yī huǐr] ‘некоторое время’ и др.) процесса, экстенсифицируют семантику ёгенов, играющих в предложении роль сказуемого, а знаки и сочетания знаков, обозначающие кратность (常常 [chángcháng] ‘обычно’, 每次 [měi cì] ‘каждый раз’ и др.) и длительность времени (整天 [zhěngtiān] ‘целый день’ и др.), экстенсифицируют семантику всего предложения. Поэтому не запрещено одновременное употребление в предложении обстоятельств кратности и длительности времени и экстенсифицированных переменных ёгенов: 要常看看报纸。 ‘Надо постоянно

почитывать газеты'; 他平常说很多。 'Он обычно много говорит'; 他经常看几遍课文就背熟了。 'Он зачастую прочтет текст несколько раз – и уже выучил наизусть'; 他每天给母亲打两次电话。 'Он каждый день два раза звонит матери', 你一天听几次录音? 'Сколько раз ты слушаешь звукозаписи в течение дня?'

Экстенсификация накладывает определенные ограничения на комбинаторику знаков, что подробно анализируется в параграфе 2.4.

Из определения и целей создания экстенсивных знаков (дублированные знаки, а также тайгены на 们 [men]) следует, что репрезентируемые ими члены предложения не подвергаются процедуре негации, так как для отрицания наличия индивида или признака индивида достаточно просто его отрицать, будь он обозначен одноместным или, тем более, многоместным интенсивным знаком, отрицать его во множественности – избыточно:

*屋子里没有人。	屋子里没有人。
*[Wūzi lǐ méi yǒu rén]	[Wūzi lǐ méi yǒu rén]
*'В комнате нет людей-людей'	'В комнате нет людей'
*她不漂漂亮亮。	她不漂亮。
*[Tā bù piàoliàngliàng]	[Tā bù piàoliàng]
*'Она не красивая-красивая'	'Она не красивая'

Появление дублированных переменных ёгенов в отрицательных предложениях обусловлено либо экспрессивным эффектом (你没有想想, 咱们过去过的啥日子! 'Ты и не думал ([думать] не думывал), как мы раньше жили!'), либо тем, что в данном предложении присутствует одноместный конструкт, единый по форме с дублированным ёгеном (这件衣服不洗洗不能穿。 'Эту вещь, прежде чем носить, обязательно надо выстирать (разок)').

Экстенсивные тайгены не играют в предложении роль прямого дополнения, так как в подобных случаях мы приписываем субъекту определенные характеристики объекта, а подчеркнутая множественность последнего, т.е. экстенсивность соответствующего знака, является излишней, поскольку ничего не добавляет к характеристикам объекта: 他们是大夫。 *他们是大夫们。 'Они – врачи'.

В китайском языке одновременная экстенсификация на уровне синтаксиса знака и подуровне синтаксиса номинативного сочетания знаков (сочетание экстенсивных знаков с числовыми и количественными знаками, а также с ёгенами третьей степени) недопустима: *几天天 *[jǐ tiāntiān] *'несколько дней-дней', *五个人们 *[wǔge rénmen] *'пять людей-людей', *一切人人 *[yīqiè rénrén] *'все люди-люди', *每年年 *[měi niánnián] *'каждый год-год', *很漂漂亮亮 * [hěn piàoliàngliàng] *'очень красивый-красивый', *很快快 *[hěn kuàikuài]

*‘очень быстро-быстро’, *等了等半天 *[děngle děng bàntiān] *‘полдня ждал-ждал’, *打了打很多次 *[dǎle dǎ hěnn duō cì] *‘много раз бил-бил’.

В русском языке ограничения на употребление и одновременную экстенсификацию на различных уровнях синтаксиса не распространяются на экстенсивные тайгены, образованные изменением формы числа, в подобных случаях в номинативных и предикативных сочетаниях формант множественного числа служит целям согласования: *пять яблок, В комнате нет столов, Они – врачи.*

Одновременная экстенсификация на уровне синтаксиса знака или подуровне синтаксиса номинативного сочетания знаков и на подуровне синтаксиса предикативного сочетания знаков не обязательна, но допустима (人都…… [Rénren dōu...]; 人们都…… [Rénmen dōu...]; 几个人都…… [Jǐge rén dōu...]; 每个人都…… [Měige rén dōu...]; 凡人都…… [Fán rén dōu...]) В этом случае метасемантическое ядро знака 都 dōu отходит на второй план, на первый план выступает метасемантическая периферия амплификации и инклюзии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Семантическая категория количества не имеет своим прямым коррелятом морфологическую категорию числа. Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, не все знаки имеют числовую парадигму, но все знаки обладают той или иной количественной семантикой. Во-вторых, морфологическая категория числа некоторых знаков не связана с их семантикой и служит лишь целям согласования. В-третьих, морфологическая категория числа не всегда верно отражает количественный аспект явления, обозначенного той или иной лексемой. В-четвертых, категория количества, в отличие от морфологической категории числа, применима в анализе всех языков.

В рамках выбранного научного направления количественная семантика китайских и русских языковых знаков описывается в терминах одностности / множественности и интенсивности / экстенсивности. Для более детального анализа нами была предложена категория дискретности семантики интенсивных знаков. Было установлено, что интенсивные знаки могут обладать дискретной либо недискретной семантикой: для знаков с дискретной семантикой можно выделить и назвать отдельного индивида во множестве,

ими обозначаемом (*ножницы*: одна пара ножниц – это тоже ножницы; *кенгуру*: одна особь кенгуру – это тоже кенгуру; *плавать*: плавать один раз – это тоже плавать), для знаков с недискретной семантикой это невозможно (*поле, вода, красивый, плыть*). Диагностирующая процедура: введение минимизации в определение интенсивности. Семантика экстенсивных знаков по определению дискретна (*деревья, пески, красивый-красивый, бегать-бегать*), семантика одноместных – по определению недискретна (*стол, железный, прыгнуть*).

На основе описанных выше процедур нами был разработан алгоритм определения количественной семантики языкового знака:

- 1) применение процедуры «часть/целое»: отрицательный результат – знак одноместный, положительный результат – знак многоместный, продолжение алгоритма;
- 2) введение процедуры минимизации в определение экстенсивности: отрицательный результат – знак многоместный интенсивный с недискретной семантикой, положительный результат – продолжение алгоритма;
- 3) введение процедуры минимизации в определение интенсивности: отрицательный результат – знак многоместный экстенсивный, положительный результат – знак многоместный интенсивный с дискретной семантикой [1; 2; 3; 7].

2. Употребление счетного знака в сочетаниях числового знака и интенсивного знака обусловлено необходимостью разграничить индивид во множестве и само множество (для интенсивных знаков с дискретной семантикой, поскольку для знаков данной категории совпадает название множества и индивида во множестве, а при присоединении к подобному знаку числового знака не понятно, идет ли речь о количестве индивидов во множестве или о количестве самих множеств) либо выделить и назвать некоторое подмножество индивидов во множестве (для интенсивных знаков с недискретной и с дискретной семантикой). В первом случае мы имеем дело со специализированными счетными знаками, во втором – с неспециализированными. Специализированные счетные знаки обозначают отдельных индивидов во множестве (*две пары брюк, семь голов скота, пять мест багажа*; 一本书 [yī běn shū] ‘одна книга’, букв. ‘один корешок книг’, 三张桌子 [sān zhāng zhuōzi] ‘три стола’, букв. ‘три листа столов’), для ёгенов – это кратность процесса (*говорить много раз*; 重复四遍 [chóngfù sì biàn] ‘повторить четыре раза’) или свойства (*дороже в несколько раз*; 大几倍 [dà jǐ bèi] ‘больше в несколько раз’). Роль неспециализированных счетных знаков могут играть различные тайгены со значением меры (*две стопки бумаги, три бутылки воды, два чемодана брюк*; 三匙糖 [sān chí tang] ‘три ложки сахара’, 两

箱苹果 [liǎng xiāng píngguǒ] ‘два **ящ**ика яблок’), для переменных ёгенов мера исчисляется продолжительностью обозначаемого процесса (*плавал несколько минут*; 躺了几个小时 [tǎngle jǐge xiǎoshí] ‘лежал несколько часов’), для постоянных ёгенов – степенью выраженности обозначаемого свойства (*в некоторой **степени** интересно*; 有一点奇怪 [yǒu yī diǎn qíguài] ‘несколько странно’, букв. ‘одну **капельку** странно’) [1; 5; 9; 10].

3. Экстенсификация – это такое изменение аспекта выражения знака, которое ведет к изменению в аспекте содержания его количественной семантики, и знак начинает обозначать многое как многое, т.е. переходит из одной категории (одноместности или множественности интенсивности) в другую категорию (множественности экстенсивности). Дублирование есть процедура экстенсификации семантики знака на уровне синтаксиса знака. Дублирование более широко представлено на множестве ёгенов, нежели тайгенов. Приписывание противоположных значений дублированным знакам в китайском языке связано для тайгенов – со смешением синхронии и диахронии (то, что ряд дублированных знаков на данном этапе развития китайского языка не являются экстенсивными (например, термины родства 姐姐 [jiějie] ‘старшая сестра’ и др.), не исключает, что изначально дублирование не было средством экстенсификации их семантики), для постоянных ёгенов – со смешением категорий языка и модели мира (при дублировании 小小的 [xiǎoxiǎode] ‘маленький-маленький’ не наблюдается «уменьшительности», а наращивается свойство «маленький» точно так же, как при дублировании 大大的 [dàdàde] ‘большой-большой’ наращивается свойство «большой», просто свойства «маленький» и «большой» по-разному воспринимаются в модели мира, что не отображается в количественной семантике соответствующих языковых знаков), для переменных ёгенов – с частичным слиянием звуковой и графической формы двух различных конструкторов: экстенсивного дублированного знака и одноместного с переменным ёгеном в роли счетного знака (看看 [kànkàn] ‘посматривать/ почитывать’) и 看一看 [kàn yī kàn] ‘посмотреть / почитать один раз’) [1; 4; 5; 6].

4. Металингвистические процедуры инклюзии и экстенсификации частично перекрывают друг друга. В пользу этого свидетельствует ряд фактов: 1) в русском языке инклюдатор *все* может играть роль экстенсификатора (*весь стол, все столы, всё пальто* – инклюзия; *все пальто, все резюме* – экстенсификация и инклюзия), что говорит о развитии соответствующей метасемантики по периферии его значения; 2) в китайском языке метасемантическая периферия экстенсификатора подуровня синтаксиса предикативного сочетания знаков 都 [dōu] ‘все’ представлена, в том числе, инклюзией (人都来了 ‘Люди (все) пришли’, букв. ‘Человек / люди все

пришли’ – 都 [dōu] экстенсификатор; 人们都来了 ‘Люди все пришли’ – 都 [dōu] инклюдатор); в русском языке экстенсификация на данном подуровне синтаксиса посредством знаков алфавита синтаксиса отсутствует; 3) экстенсификация и инклюдация часто происходят одновременно: в русском и китайском языках при сочетании с инклюдаторами-экстенсификаторами *все*, 全(部) [quán(bù)] ‘целиком, в полном составе, все’, 一切 [yīqiè] ‘все’: *все пальто*, 全部人 [quánbù rén] ‘все люди’, 一切东西 [yīqiè dōngxi] ‘все вещи’; а также в китайском языке при сочетании интенсивных тайгенов с ёгенами, требующими комбинации с экстенсивными тайгенами: конструкты со знаком алфавита синтаксиса 所 [suǒ] (所有的人 [suǒ yǒu de rén] ‘все [имеющиеся] люди’), и переменные ёгены с результативным формантом 齐 [qí] ‘полностью, в полном составе’ (人到齐了 [Rén dàoqíle] ‘Люди пришли все’); в русском языке в подобных случаях наблюдается только экстенсификация: *вкусные канале, Резюме прочитаны* [1].

5. Знаки и сочетания знаков, обозначающие кратность процесса (*два раза, неоднократно*) и длительность процесса (*два часа, долго*), экстенсифицируют семантику ёгенов, играющих в предложении роль сказуемого, а знаки и сочетания знаков, обозначающие кратность времени (*каждый день, часто, всякий раз*) и длительность времени (*целый день, весь вечер* и др.), экстенсифицируют семантику всего предложения, что проявляется в соответствующей комбинаторике знаков, т.е. в возможности их одновременного употребления в предложении: 他每天给母亲打两次电话. ‘Он **каждый день два раза** звонит матери’, что было бы недопустимо, если бы в обоих случаях имела место экстенсификация семантики языкового знака 打(电话) ‘звонить (по телефону)’ [1].

Введение в лингвистический анализ категорий одноместности и множественности, интенсивности и экстенсивности, а также категории дискретности позволяет нам: 1) более полно и верно по сравнению с морфологическим подходом описать количественную семантику языковых знаков; 2) сократить категориальный аппарат описания; 3) решить ряд важных вопросов в области семантики и синтаксиса, а именно: в русском языке – уточнить категориальность имен собирательных, *pluralia tantum, singularia tantum*; в китайском языке – снять противоречия в трактовке значений дублированных знаков, объяснить необходимость употребления счетных знаков и особенности комбинаторики дублированных знаков и знаков на 们 [men].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Предложенный в диссертации алгоритм определения количественной семантики языковых знаков может быть применен к анализу различных языков с целью установления преимущественной количественной характеристики семантики их языковых знаков и уточнения особенностей комбинаторики вариантов этих знаков в синтаксисе соответствующего языка.

В результате данного исследования были сформулированы правила употребления специализированных и неспециализированных счетных знаков, а также способы и правила одновременной экстенсификации китайских знаков на различных уровнях синтаксиса [1]. Перечисленные правила могут быть включены в качестве подраздела в учебник по синтаксису китайского языка либо изданы в виде отдельного учебно-методического пособия.

Перспективы исследования, на наш взгляд, лежат как в теоретической, так и в практической плоскости. С теоретической точки зрения – это возможное дальнейшее уточнение терминологического и категориального аппарата для еще более детального описания нюансов количественной семантики языковых знаков, как в синхронии, так и в диахронии. В рамках последующих изысканий возможен переход от собственно лингвистического анализа к анализу в рамках сопредельных с лингвистикой научных дисциплин – нейролингвистики, психолингвистики, информационных технологий и других.

С практической точки зрения перспективным видится применение категорий интенсивности и экстенсивности в описании семантики и синтаксиса различных конкретных языков с целью формулирования однозначных, непротиворечивых правил построения правильных выражений, что облегчит процесс усвоения того или иного иностранного языка. Считаем также, что представление количественной семантики в терминах одноместности / многоместности и интенсивности / экстенсивности будет способствовать более точной машинной обработке текстов на естественном языке в искусственных интеллектуальных системах.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ

Монография

1. Руденко, Н.И. Языковые категории интенсивности и экстенсивности (на примере китайского языка) / Н.И. Руденко. – Минск: РИВШ, 2010. – 178 с.

Статьи в рецензируемых научных журналах

2. Руденко, Н.И. Языковые категории интенсивности и экстенсивности в процедуральном представлении / Н.И. Руденко // Вестник БГУ. Научно-теор. журнал. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. – № 2. – Минск: БГУ, 2006. – С.94-100.

3. Руденко, Н.И. Множественное число: словоизменение или словообразование? / Н.И. Руденко // Вести БГПУ. Научно-методический журнал. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. – № 4 (54). – Минск: БГПУ, 2007. – С.72-75.

4. Руденко, Н.И. Экстенсификация в китайском языке / Н.И. Руденко // Вестник МГЛУ. Научно-теор. журнал. Серия 1. Филология. – № 2 (27) – Минск: МГЛУ, 2007. – С.95-103.

Статьи в сборниках научных работ

5. Руденко, Н.И. Количественная семантика китайских знаков / Н.И. Руденко // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. / редкол.: А.Н. Гордей (отв. ред.), У Хунбинь (зам. отв. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2006. – Вып.1. – Ч.1. – С.180-188.

6. Руденко, Н.И. Дублирование как способ экстенсификации семантики знака / Н.И. Руденко // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. / редкол.: А.Н. Гордей (отв. ред.), Лу Гуйчэн (зам. отв. ред.) [и др.] – Минск: РИВШ, 2011. – Вып. 2. – С.110-122.

Материалы и тезисы научных конференций и научно-практических семинаров

7. Руденко, Н.И. О различии морфологической категории числа и семантической категории количества / Н.И. Руденко // Беларусь в современном мире: тезисы докладов II Респ. науч. конф., Минск, 17-18 дек. 2003 г. / редкол. А.В. Шарапо и др. – Минск: РИВШ, 2004. – С.219-220.

8. Руденко, Н.И. Суффикс 们 (men) в китайском языке / Н.И. Руденко // Беларусь в современном мире: тезисы докладов III Респ. науч. конф., Минск, 28-29 окт. 2004 г. / редкол. А.В. Шарапо и др. – Минск: РИВШ, 2004. – С.246-247.
9. Руденко, Н.И. О необходимости счетных тайгенов в китайском языке / Н.И. Руденко // Беларусь в современном мире: материалы IV Респ. науч. конф., Минск, 28 сент. 2005 г. / редкол. А.В. Шарапо и др. – Минск: РИВШ, 2005. – С.289-290.
10. Руденко, Н.И. Количественная семантика языковых знаков в диахронии / Н.И. Руденко // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 22–23 нояб. 2007 г.: в 2 ч., ч. 2. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С.385-391.
11. Руденко, Н.И. Необходимость новой теоретической составляющей в обучении китайскому языку / Н.И. Руденко // Китаеведение в белорусском образовательном пространстве: сб. науч. материалов Междунар. науч.-практич. семинара, 29 янв. 2008 г., Гродно. – Минск: РИВШ, 2009. – С.103-108.
12. Руденко, Н.И. Морфология числа и семантика количества / Н.И. Руденко // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24-25 апреля 2015 г.). Т. 1 / отв. ред. Д.А. Крячков, Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С.416-420.

РЕЗЮМЕ

Руденко Наталья Ивановна

Языковые категории интенсивности и экстенсивности (на материале китайского и русского языков)

Ключевые слова: количественная семантика, морфологическое число, одноместность, многоместность, интенсивность, экстенсивность, дискретность, счетные знаки, дублирование, экстенсификация.

Цель работы: уточнение количественной семантики китайских и русских языковых знаков в терминах интенсивности и экстенсивности.

Методы исследования: описательный, сопоставительный, процедурный, алгоритмический, комбинаторный.

Полученные результаты и их новизна. В результате применения методов новой научной парадигмы впервые был разработан алгоритм определения категориальной принадлежности языкового знака по его количественной семантике; уточнен и сокращен категориальный аппарат описания количественной семантики языковых знаков; дано описание и объяснение особенностей комбинаторики экстенсивных знаков; определена роль специализированных и неспециализированных счетных знаков и правила их употребления в современном китайском языке.

Рекомендации по использованию. Предложенный в диссертации алгоритм определения количественной семантики языковых знаков может быть применен к анализу различных языков с целью установления преимущественной количественной характеристики семантики их языковых знаков и уточнения особенностей комбинаторики вариантов этих знаков в синтаксисе соответствующего языка. Сформулированные в диссертации правила употребления специализированных и неспециализированных счетных знаков, а также способы и правила одновременной экстенсификации китайских знаков на различных уровнях синтаксиса могут быть включены в качестве подраздела в учебник по синтаксису китайского языка либо изданы в виде отдельного учебно-методического пособия.

Область применения. Полученные в диссертации теоретические обоснования и практические примеры могут быть использованы в процессе преподавания некоторых разделов общелингвистических дисциплин, переводоведения, а также теории и практики китайского языка.

РЭЗІЮМЭ

Рудэнка Наталля Іванаўна

Моўныя катэгорыі інтэнсіўнасці і экстэнсіўнасці (на матэрыяле кітайскай і рускай моў)

Ключавыя словы: колькасная семантыка, марфалагічны лік, аднамеснасць, мнагамеснасць, інтэнсіўнасць, экстэнсіўнасць, дыскрэтнасць, лічыльныя знакі, дубліраванне, экстэнсіфікацыя.

Мэта даследавання: удакладненне колькаснай семантыкі кітайскіх і рускіх моўных знакаў у тэрмінах інтэнсіўнасці і экстэнсіўнасці.

Метады даследавання: апісальны, супастаўляльны, працэдурны, алгарытмічны, камбінатарны.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. У выніку прымянення метадаў новай навуковай парадыгмы ўпершыню быў распрацаваны алгарытм вызначэння катэгарыяльнай прыналежнасці моўнага знака па яго колькаснай семантыцы; удакладнены і скарочаны катэгарыяльны апарат апісання колькаснай семантыкі моўных знакаў; дадзена апісанне і тлумачэнне асаблівасцей камбінаторыкі экстэнсіўных знакаў; вызначана роля спецыялізаваных і неспецыялізаваных лічыльных знакаў і правілы іх ужывання ў сучаснай кітайскай мове.

Рэкамендацыі па выкарыстанні. Прапанаваны ў дысертацыі алгарытм вызначэння колькаснай семантыкі моўных знакаў можа быць ужыты да аналізу розных моў з мэтай устанаўлення пераважнай колькаснай характарыстыкі семантыкі іх моўных знакаў і ўдакладнення асаблівасцей камбінаторыкі варыянтаў гэтых знакаў у сінтаксісе адпаведнай мовы. Сфармуляваныя ў дысертацыі правілы ўжывання спецыялізаваных і неспецыялізаваных лічыльных знакаў, а таксама спосабы і правілы адначасовай экстэнсіфікацыі кітайскіх знакаў на розных узроўнях сінтаксісу могуць быць уключаны ў якасці падраздзела ў падручнік па сінтаксісе кітайскай мовы альбо выдадзены ў выглядзе асобнага вучэбна-метадычнага дапаможніка.

Галіна прымянення. Атрыманыя ў дысертацыі тэарэтычныя абгрунтаванні і практычныя прыклады могуць быць ужыты ў працэсе выкладання некаторых раздзелаў агульнамовазнаўчых дысцыплін, перакладазнаўства, а таксама тэорыі і практыкі кітайскай мовы.

SUMMARY

Rudenka Natallia Ivanauna

Linguistic Categories of Intensiveness and Extensiveness (in the Chinese and Russian languages)

Key words: quantitative semantics, morphological number, one-placement, multiplacement, intensiveness, extensiveness, discreteness, measure words, duplication, extensification.

The aim of the research: specification of the Chinese and Russian language signs' quantitative semantics in terms of intensiveness and extensiveness.

The methods of the research: descriptive, comparative, procedural, algorithmic, combinatory.

Obtained results and their novelty. As a result of applying the methods of the new science paradigm the novel algorithm was developed to determine the category of the language sign according to its quantitative semantics; the list of the categories describing the quantitative semantics of language signs was refined and reduced. We described and explained the particularities of combinatorics of extensive signs; we determined the role of specific and non-specific measure words and the rules of their use in the modern Chinese language.

Recommendations on application. The algorithm proposed in the dissertation to determine the language signs' quantitative semantics can be used in analyses of different languages to define most common quantitative characteristic of the language signs and to specify the particularities of their variants' combinatorics in the syntax of different languages. Stated in the dissertation rules of use of the specific and non-specific measure words, as well as the ways and rules of the simultaneous extensification of the Chinese signs on the different levels of syntax can be included as a chapter in the textbook on Chinese syntax or published as a study guide.

Field of application. Theoretical foundations and practical examples obtained in the dissertation can be used in the process of teaching some parts of general linguistic disciplines, the translation studies and theory and practice of the Chinese language.